

ОЧЕВИДНОСТЬ И НЕОЧЕВИДНОСТЬ ЗНАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИИ У. ОККАМА

Анализируются обусловленность современной проблематики соотношения феноменов «вера» – «знание» с точки зрения истории вопроса (противоречия реализма и номинализма), а также роль и значение проблемы «существования» несуществующей вещи для сознания, обусловленной фактором иррационального; рассматривается вопрос о возможности / невозможности соотношения реальности и абстрагированных или интуитивных видов знания.

Ключевые слова: знание; вера; познание; интуитивное знание; абстрагированное знание.

Как представитель номинализма XIV столетия У. Оккам, с одной стороны, конечно же, был «последователем» аристотелизма, а с другой стороны, «свидетелем» окончания средневековой истории противостояния двух традиций – реализма и номинализма. Бесспорно, второй фактор обусловил позиции Оккама-аристотелика таким образом, что, как минимум, «реальное» и «номинальное», пребывая в состоянии противоречия, абсолютно невозможны вне этого противоречия: «У Оккама все решительно единично. Но у него же и все решительно универсально», – утверждает А.Ф. Лосев [1. С. 40].

Конечно, логико-эпистемологические взгляды Оккама имеют предысторию, но именно данный вариант номиналистско-реалистского противоречия может помочь нам в какой-то степени выяснить причины и способы формирования новой парадигмы знания (парадигмы знания Нового времени).

Итак, вопрос о соотношении веры и знания продолжает сохранять актуальность в работах Оккама, который, оставаясь номиналистом (по крайней мере формально), не рассматривал веру как некую универсальную абстракцию: «Некоторые [истины] познаются нами только на основании веры» [2. С. 73]. Номиналист Оккам представляет различные виды («подразделения») знаний, каждый из которых обладает конкретно определенными свойствами, и вопрос о сводимости / несводимости этих «подразделений» знания может быть решен только с точки зрения номиналистско-реалистских отношений, т.е. с точки зрения существования / несуществования общего и единичного. Последнее, очевидно, определяется отношением субъекта и объекта знания (как одной из основополагающих предпосылок формирования дискурса).

Оккам постоянно обращает внимание на проблему природы знания: знание не является, во-первых, автономной неизменяемой системой, поэтому существует необходимость в анализе процесса становления и дальнейшего развития силлогистического рассуждения, во-вторых, знание соотносится с истиной (т.е. имеет определенное истинностное значение), что обуславливается не грамматически, а логически. Другими словами, дискурс знания конституируется определенным образом, что и выражается посредством логического компонента. Возможно, тезис Л. Витгенштейна «Мир – это факты в логическом пространстве» имеет отношение именно к такого рода положению дел. Поскольку знание – это и очевидное знание, и очевидное знание необходимого, и знание истины как результата рассужде-

ния, и знание как заключения, так и посылок и заключения, и знание – научное знание, представленное интегральными частями как система «начал и заключений» [2. С. 73, 75], постольку данный способ познания / понимания требует не только систематизации, но и иерархизации уровней познания / понимания.

«“Знание” есть очевидное знание необходимой истины, полученное в результате силлогического рассуждения из очевидного знания необходимых предпосылок. И в этом случае знание отлично от ума, который является знанием начал» [Там же], – рассуждает Оккам, ссылаясь на Аристотеля, который, пытаясь сформулировать характеристики научного знания, признает разницу между «Знанием» и «Верой» в силу различного способа их постижения: «Мы все предполагаем, что известное нам по науке не может быть и таким и иным <...> то, что составляет предмет научного знания (to epistēton), существует с необходимостью, а значит вечно. <...> Существуют принципы [т.е. посылки], из которых выводится силлогизм и которые не могут быть получены силлогистически, а значит, их получают наведением. <...> Человек обладает научным знанием, когда он в каком-то смысле обладает верой и принципы ему известны. Если же [принципы известны ему] не больше вывода, он будет обладать наукой только входящим образом» [3. С. 175]. Здесь следует, прежде всего, отметить «основания» статуса научного знания (это то, что существует вечно), которые и легли в основу нововременной парадигмы знания, и именно данный статус указывает одновременно и на некую (непостижимую) общность знания, и на необходимость его непознаваемых посылок. Позже, в рационализме, это приобретет характер необходимости принятия известной аксиоматики.

Фактически онтологический статус *знание* получает посредством утверждения так называемого принципа *наведения*. Безусловно, Аристотель настаивает на реальности разных видов знания, так же как и Оккам, но ввиду того что принцип иерархии (знания) может быть определен различными аспектами, мы, в конечном итоге, имеем возможность (на примере неопозитивизма и постмодернизма) наблюдать следующее положение дел: абсолютное исключение принципа *наведения* («общие начала» изъяты) и введение принципа *эффективности* посредством установленной компетентности.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о возможности / невозможности единого субъекта всей науки, так как к этому имеет непосредственное отноше-

ние номинальное – реальное: «Бесмысленно спрашивать о том, что является субъектом логики, или естественной философии, или метафизики, или этики, поскольку такой вопрос предполагает, что нечто является субъектом логики <...>, но это <...> ложно, ибо нет никакого единого субъекта всей [науки], но у ее различных частей имеются различные субъекты» [2. С. 81].

Действительно, субъект науки (как субъект предмета) единым быть не может, то же самое касается и объекта науки, но с учетом интегральной схемы познания (научного знания) у нас возникает следующая всем хорошо известная проблема: субъектов науки множество, как и, собственно, множество наук, но представление о субъекте науки и представление о науке, очевидно, все-таки единичны. (Возможно, это один из тех аспектов, который и предопределил невозможность противоположности единого – многого «реального – номинального» с точки зрения гносеологической ретроспекции.)

Именно поэтому Оккам вынужден использовать объяснение данного противоречия посредством уточнения степени / уровня единства субъекта науки, ссылаясь при этом на работы Генриха Гентского и Дунса Скота: «В метафизике среди всех субъектов первым первенствованием предикации является сущее, а первым первенствованием совершенства является Бог» [2. С. 83]. И все-таки, по Оккаму, ни субъект, ни объект знания не обладают формальной причиной, так как «знание получает один только разум» [2. С. 79].

Номиналист Оккам использует понятие «интенция» (как и «интенциональность») с целью уточнения того, что определяется как субъект знания. И в этой связи возникает вопрос, почему субъект знания как предмет суждения с точки зрения логики приобретает некое интенциональное свойство? Именно этот феноменологический аспект знания (хотя и с некоторым изменением: не отражение предмета мышления, а направленность последнего на предмет) неоднократно будет актуализирован (как явно, так и неявно) в рационализме и в неопозитивизме, потому что, как и для номинализма / реализма, для данных направлений оставалась и продолжает оставаться основополагающей проблема реальности, неактуальной для сознания: «Имеется много [вещей], о которых он (познающий. – М.Г.) никогда не размышлял; следовательно, никакая единичная вещь не является субъектом [данного высказывания]» [2. С. 185].

Безусловно, интенциональность познания определенным образом соотносится с абстрагированным и интуитивным знанием. Оккам неоднократно указывает на самоочевидность разумного «рационального» познания (и суждения) вне эмпирического аспекта, т.е. проблема соотношения язык – действительность в этом случае рассматривается как соотношение, элементы которого имеют определенную степень автономности: «...никакой акт чувственной части души не есть непосредственная <...> причина <...> какого-либо акта суждения самого разума» [2. С. 95]. И это в какой-то мере приводит автора к выводу о том, что абстрагированное знание и интуитивное знание могут существовать в отношении одного и того же объекта познания одновременно.

Вопрос о том, является ли абстрагированное и интуитивное знание реальностью, решается Оккамом, скорее, положительно, хотя и не без осложнений, так как в этом случае мы с необходимостью можем (и будем) знать интуитивно, «что эта вещь не существует» [2. С. 99], т.е. нам известны несуществующие вещи. Тем не менее интуитивное знание признается в качестве того необходимого условия, благодаря которому только и возможна модель «познавательного процесса» как таковая, которая не может игнорировать опытную составляющую [3. С. 345]. Таким образом, номинализм в трудах Оккама демонстрирует совершенно естественное в данном случае противоречие: «Бог у него мыслит только единичное. Однако тут же утверждается, что в Боге существуют все общие идеи» [1. С. 37], и именно поэтому автор «Эпистемологии» неоднократно утверждает, что общий термин сказывается о многом.

Ранее указывалось на проблему существования несуществующей вещи. Эта проблема, по всей видимости, имеет иррациональный характер не только с точки зрения номинализма. Поскольку вера и знание (как рационально познание) противопоставлены у Оккама, так как объекты веры и знания должны быть различны. Но возможно ли это? Рассмотрим следующее рассуждение: «...ведь есть противоречие в том, чтобы видение было, а ничего не было видно <...> видение есть абсолютное качество, отличное от объекта...» [2. С. 103]. Фактически речь идет об утверждении типа: «Я видел то, что [там] ничего не видно», из которого может следовать: «Видел то, чего [там] не было».

Можно сколько угодно эксплуатировать логико-грамматический аспект данного высказывания, но оно не может разрешить положительно данный нонсенс, так как семантика этого высказывания положительно нам указывает лишь на то, что «Значит, видел разные [вещи] видения: объект и то, что видел, – разные объекты». Следовательно, *объект* видения и его репрезентация (возможно, репрезентация его отсутствия!) – это констатация паранепротиворечивого дискурса, конституэнтами которого в обязательном порядке являются оба указанных элемента: «Все, что Бог производит посредством вторичных причин, он может непосредственно производить и сохранять без них» [2. С. 103] и «Нет противоречия в том, чтобы то, что зрится, было ничем актуальным вне своей причины, только бы оно могло существовать в действительности либо некогда существовало в природе вещей» [2. С. 107], – по сути, это основной принцип естественных (позитивных) наук – принцип обусловленности и изменения. Не случайно Лосев приходит к следующему заключению: «Перед Оккамом витала наша теперешняя неопозитивистская идея освободить смысловую функцию от всякого физического, физиологического и психологического груза» [1. С. 37].

Однако Оккам представлял интенцию, как указывалось выше, несколько иначе: интенция у него и универсальна (как знак, обозначающий многое), и единична (поскольку существует единственная вещь), из чего следует актуализация онтологическо-

го аспекта номинализма, так как в противном случае противоречивость рассуждений исключила бы их рациональность, обусловив невозможность их соотнесения с научным знанием. И утверждение нетождества универсалий и субстанций посредством невозможности последних быть частью высказываний / рассуждений еще раз указывает с необходимостью на параллелизм явлений: язык – действительность. Поэтому вывод о том, что познание бесконечности (посредством общего) не является (и не может быть)

познанием / пониманием единичного, так как «один объект не может быть отличен от другого» [2. С. 135], совершенно закономерен с точки зрения номинализма (с позиций противоречия, для которого интенция [как основополагающий акт мышления] – это «то особое бытие, в котором еще нет никакого различия» [1. С. 32].

Таким образом, неопозитивистская модель знания имеет очень солидную предысторию, что частично объясняется противоречивостью номинально-реального.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лосев А.Ф.* Средневековая диалектика. URL: http://www.philosophy.ru/ont/ont_107.html (дата обращения: 23.06.2011).
2. *Оккам У.* Избранное. М. : URSS, 2010. 272 с.
3. *Аристотель.* Вторая аналитика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 25 января 2013 г.